

Цутида Кумико

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕН ГЛАГОЛА И ТЕРМИНА “МОНО-НО АВАРЭ” В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ “ПОВЕСТИ О ГЭНДЗИ”

В Японии возрос интерес к тому, что “Повесть о Гэндзи” с каждым годом находит новых читателей во всем мире, а переводы этой повести на иностранные языки стал актуальным предметом исследования. Существует много научных работ, посвященных английским переводам, есть ряд монографий о французском, немецком, китайском и корейском переводах. О русском же переводе написана лишь одна короткая статья.

В речи рассказчицы «Повести о Гэндзи» употребляется несколько времен глагола. Японский исследователь Садакадзу Фудзии отметил, что основное время в речи рассказчицы этой повести является настоящим; то есть, хотя события относятся к прошлому, она рассказывает так, как будто вошла в описываемый мир и эти события происходят прямо сейчас [藤井 2000, 87]. Он также раскритиковал английский и французский переводы за употребление только прошедшего времени [藤井 2000, 695]. Русская переводчица Т.Л. Соколова-Делюсина высказала следующее мнение по вопросу употребления времени глагола: “Вечером рассматривали альбом “Гэндзи-эмаки”, недавно присланный из Японии. Принцип снятой крыши как нельзя лучше отражает характер текста – в фокусе читательского зрения один за другим возникают отдельные эпизоды, словно надвигаются крупным планом. Тот же эффект – от грамматического чередования настоящего и прошлого времени” [Соколова-Делюсина 1996, 21]. И действительно, в ее переводе многие эпизоды описываются в настоящем времени, хотя рассказчица употребляет в основном прошедшее время. Среди них наиболее удачным считаются так называемые “каимами”, когда мужской персонаж подглядывает за женскими персонажами.

К примеру, в одной из самых известных сцен, когда Гэндзи впервые увидел юную Мурасаки (подчеркивание автора статьи):

Подлинный текст: “中に、「十ばかりにやあらむ」と見えて、白き衣、山吹などの、なれたる着て、走りきたる女ご、あまた見えつる子どもに、似るべうもあらず、いみじく、おひさき見えて、美しげなるかたちなり。(中略、若紫は)つらつき、いとらうたげにて、眉のわたり、うちけぶり、いはけなくかいたりたる額つき、髪ざし、いみじう美し” [源氏物語, 第一巻, 183–184].

Русский перевод: “Вот одна из них – лет как будто около десяти – вбегает в покои. Одетая в мягкое белое нижнее платье и верхнее цвета керрия, она выделяется особенной миловидностью, обещая со временем стать настоящей красавицей. ...Личико ее прелестно, брови туманятся легкой дымкой, открытый лоб и по-детски откинутые назад волосы удивительно хороши” [Гэндзи моногатари 1991, кн. 1, 87–88].

В подлинном тексте использовано настоящее время. С помощью этого приема взор читателей сливается со взорами рассказчицы и Гэндзи, и они чувствуют себя так, как будто смотрят на юную Мурасаки своими глазами [高橋1991, 259–263]. И в русском переводе ее образ в глазах Гэндзи описывается настоящим временем, точнее, настоящим временем несовершенного вида. В книге по лингвистике русского языка говорится, что “общая функция повествовательного переносного употребления словоформы настоящего времени несовершенного вида заключается в стилистическом эффекте изобразительной наблюдаемости событий прошлого или будущего как “открытого бытия”, для читателя оно основано на перенесении субъекта речи как наблюдателя в повествовательный мир событий” [Шелякин 2008, 178].

Следовательно, можно предположить, что и читатели русского перевода, так же как читатели оригинала, ощущают себя так, словно они сами наблюдают за юной Мурасаки. В сносках представлены английские, французский и немецкий переводы приведенных цитат¹, где употребляется только прошедшее время. В связи с этим можно считать употребление настоящего времени особенностью русского перевода.

Термин “моно-но аварэ” – важное понятие, которое выражает эстетический мир “Повести о Гэндзи”, но перевести его на иностранный язык нелегко. В предисловии к русскому переводу Т. Соколова-Делюсина объяснила его следующим образом: “Сколь бесконечно многообразны, например, пути прочтения одного из ведущих мотив “Повести”, традиционно обозначаемого понятием “моно-но аварэ” (“печальное очарование вещей”), соединяющего тему манящей красоты вещного мира с мыслью о его зыбкости и недолговечности” [Соколова-Делюсина 1991, кн. 1, 4]. Здесь “моно-но аварэ” переведено как “печальное очарование вещей”². Однако английский японист Morris, автор монографии “The World of Shining Prince”, перевел его как “the pathos of things” [Morris 1964, 208], а американский исследователь Shirane объяснил, что это является выражением, которое часто переводится как “the sadness or pathos of things” [Shirane 1987, 31]. Французский востоковед Haguenauer написал, что оно означает “la rencontre d’un objet mono (avec un sujet, ou vice-versa)” и появляется как “une résonance sentimentale dans le coeur kokoro” [Haguenauer 1959, 28]. Немецкий переводчик Benl сказал, что перевести это слово на иностранный язык почти невозможно, но предложил вариант “Wahrheit des Herzens” [Benl 1966, xviii], а китайская переводчица 林文月 познакомила читателей с этим понятием как “物之哀” [林 2004, 25].

Значит, элемент “печальное” является почти общим, но, что касается “очарования”, можно считать его особенностью русского перевода. А вообще “моно-но аварэ” – понятие чрезвычайно емкое. Оно

содержит все значения этих иностранных переводов. Нельзя сказать, что все эти переводы – неправильные, но все же надо отметить, что в них выражена лишь одна сторона этого понятия. В словаре русского языка слово «очарование» имеет значение “чарующая сила чего-л. Состояние того, кто испытывает на себе чарующую силу кого-, чего-л.” [Словарь русского языка 1999, 731]. Из этого объяснения видно, что в русском переводе уделено внимание такой стороне понятия, как “чарующая сила”.

В тексте русского перевода нашелся пример, где “печальное очарование” употреблялось как прилагательное. Это сцена, когда Гэндзи спеша уходит из дома дочери принца Хитати, Суэцумухана, после того как он впервые увидел ее красный нос в утреннем свете (подчеркивание автора): “御車寄せたる中門の、いといたう、ゆがみよろぼひて、夜目にこそ、しるきながらも、萬かくろへたる事多かりけれ、いと、あはれに淋しく荒れまどへるに、松の雪のみ、あたゝ(か)げに降り積める、山里の心地して物あはれなるを” [日本古典文学大系 源氏物語, 第一巻, 末摘花, 258]. Русский перевод: “Срединные ворота, к которым подают его карету, совсем обветшали и скособочились. Ночью многочисленные изъяны не были так заметны, хотя догадаться об их существовании не составляло труда. Теперь же перед Гэндзи открывается картина такого унылого запустения, что сердце его мучительно сжимается. Только снег, пухлыми шапками покрывающий ветви сосен, кажется теплым и придает саду то печальное очарование, какое бывает у уединенной горной усадьбы” [Соколова-Делюсина 1991, кн. 1, 125]. Здесь 山里の心地して物あはれなるを русская переводчица перевела как “печальное очарование, какое бывает у уединенной горной усадьбы”. Но в других иностранных вариантах не нашлось такого же перевода, чаще всего переведено как “грустный” или “меланхолия”.

В качестве подтверждения этой точки зрения можно привести мнение японского исследователя Еситака Кумагаи о том, что снег на соснах вызывал у Гэндзи такие же

чувства, как при взгляде на уединенную горную усадьбу, которая имеет эстетическую привлекательность [熊谷 1989, 92]. В данном случае “моно-аварэ” содержит не только значение грусти или меланхолии, а еще и значение эстетической привлекательности. И это уловила только русская переводчица. Должно быть, у русских есть восприятие прекрасного, которое позволяет почувствовать очарование снега на соснах, запущенного дома и уединенной горной усадьбы.

Прежде японцы составляли себе представление о переводе «Повести о Гэндзи»

на иностранные языки чаще всего на основе английского перевода. То, что существует русский перевод с теми особенностями, которых нет в других иностранных переводах, является для нас открытием. Однако проблема заключается в том, что трудно судить, являются ли эти особенности следствием личного характера и стиля переводчицы, или русского национального характера, или, может быть, славянского народного характера в целом. Для выяснения этого вопроса остается с нетерпением ожидать завершения украинского перевода этой повести.

¹ **Английский перевод (1):** “Among them was one who seemed to be about ten years old. She came running into the room dressed in a rather worn white frock lined with stuff of a deep saffron colour. Never had he seen a child like this. What an astonishing creature she would grow into! ... Her features were very exquisite, but it was above all the way her hair grew, in cloudy masses over her temples, but thrust back in childish fashion from her forehead, that struck him as marvellously beautiful” [Waley 1993, 97–99].

Английский перевод (2): “Much the prettiest was a girl of perhaps ten in a soft white singlet and a russet robe. She would one day be a real beauty. ... She was charming, with rich, unplucked eyebrows and hair pushed childishly back from the forehead” [Seidensticker 1992, 93–94].

Английский перевод (3): “In among them came running a girl of ten or so, wearing a softly rumpled kerria rose layering over a white gown and, unlike the other children, an obvious future beauty. ... She had a very dear face, and the faint arc of her eyebrows, the forehead from which she had childishly swept back her hair, and the hairline itself were extremely pretty” [Tyler 2001, vol. 1, 86–87].

Французский перевод: “...une enfant était accourue, qui pouvait être dans sa dixième année, lui sembla-t-il; vêtue sur une robe blanche d’un surtout jaune corète défraîchi, elle ne ressemblait en rien à toutes celles qu’il avait vues jusque-là; on devinait la femme qu’elle deviendrait, à sa prodigieuse beauté. ... Ses traits étaient d’une exquise délicatesse, et avec ses sourcils aux contours indécis et sa chevelure sans apprêt, séparée sur le front, elle était on ne peut plus mignonne” [Siefert 1988, vol. 1, 97–98].

Немецкий перевод: “Eines unter diesen, etwa zehn jahre alt, trug über einem weißen Shitagasane ein weiches, nurmehr leicht gestärktes Obergewand von Yamabuki-gasane-Farben. Sie sah hübscher aus als die anderen Mädchen um sie her, ja man dachte unwillkürlich, wie liebreizend sie erst sein würde, wenn sie erwachsen war. ...Ihr Gesicht war von unbeschreiblicher Anmut, ihre Augenbrauen schimmerten fein und zart, ihre Stirn, über die sie die Frisur nach Kinderart aufgekämmt trug, und ihr Haar waren bestrickendschön. Genji betrachtete sie hingegeben” [Benl 1966, Band 1, 142–144].

² Однако, по словам Соколовой-Делюсиной, впервые это так перевела Вера Маркова. Действительно, в ее предисловии к “Волшебным повестям” читаем: “Еще задолго до того, как над ней (хэйанской культурой) нависла гибель, хэйанцы любили говорить о “печальном очаровании вещей”. Это отвечало буддийскому учению о непрочности земного бытия и в то же время заставляло сильнее ощутить красоту того, что вот-вот должно исчезнуть” [Маркова 1962, 10–11].

ЛИТЕРАТУРА

- Маркова В. Предисловие // **Волшебные повести**. Москва, 1962.
- Словарь русского языка**. Том 2. Москва, 1999.
- Соколова-Делюсина Т. Повесть о Гэндзи (Гэндзи моногатари). Книга 1. Москва, 1991.
- Шелякин М. **Категория аспектуальности русского глагола**. Москва, 2008.
- Morris, Ivan. **The World of the Shining Prince**. London, 1964.
- Seidensticker, Edward. **The Tale of Genji**. London, 1992.
- Shirane, Haruo. **The Bridge of Dreams. A Poetics of 'The Tale of Genji'**. Stanford, 1987.
- Tyler, Royall. **Murasaki Shikibu. The Tale of Genji**. New York, 2001.
- Waley, Arther. **Lady Murasaki. The Tale of Genji**. New York, 1993.
- Shikibu. **Le Genji Monogatari**. Paris, 1959.
- Murasaki Shikibu. **Le Dit du Genji**. Vol. 1–2. Paris, 1988.
- Oscar Benl. **Genji-monogatari. Die Geschichte vom Prinzen Genji**. Altjapanischer Liebesroman aus dem 11. Jahrhundert. Band 1. Zürich, 1966.
- 熊谷義隆. 末摘花・蓬生巻の廃園 — 末摘花と自然描写 // 山形女子短期大学紀要, 1989, 第21集.
- タチアーナ・ソコロワ=デリューナ. タチアーナの源氏日記 — 紫式部と過ごした歲月. 東京, 1996.
- 高橋亨. 物語と絵の遠近法. 東京, 1991.
- 藤井貞和. 源氏物語論. 東京, 2000.
- 紫式部. 源氏物語, 第一巻, 東京, 1966.
- 豊子愷. 紫式部『源氏物語』(上・中・下)北京, 2004.
- 林文月. 紫式部『源氏物語』(一)台北, 2004.